констатирует Ортега[58]. Мысль о прогрессирующей эллинизации иудео-христианского культурного наследия развивал и другой экзистенциальный мыслитель – Л. Шестов. Сама экзистенциальная философия начиная с Кьеркегора и стала ответом человека на этот натуралистический вызов, угрожающий ему метафизическим закабалением. Если Ортега и Шестов в своем варианте освобождения человека опирались, так или иначе, на традицию философии жизни, то Бердяев шел от философии смысла и ценностей, парадоксально сочетая Канта с Бёме, а эту "гремучую смесь" – с традицией Вл. Соловьева. Но всех этих экзистенциальных философов объединяла концепция человека как духа, как трагической свободы и драматического события, как, наконец, личности, устремленной к трансцендентному.

ЗАБЛУЖДЕНИЯ ГЕНИЯ: Н.А. БЕРДЯЕВ О РОССИИ И КОММУНИЗМЕ

В. Аксючиц

Я убежден, что Николай Александрович Бердяев – гениальный и наиболее плодотворный философ XX в. Ибо, если философию рассматривать по существу – как созидание новых смыслов, – то Бердяев *вывел из небытия в бытие* наибольшее количество смыслов. Уже в начале XX в. он (совместно с другими русскими философами, особенно с Л. Шестовым) на два десятилетия раньше европейских мыслителей начал развивать экзистенциальную и персоналистическую философию. После Бердяева философия стала другой. В ней проблемы человеческой личности – *персоналистической революции, экзистенциальной диалектики Божественного* и *человеческого,* реальности духа, богоподобного творчества человека и объективации духа, духовной свободы и рабства, эсхатологии и метаистории, дегуманизации человека – приобрели невиданную глубину и вместе с тем живую конкретность – экзистенциальную персоналистичность, преодолевающую объективированность рационалистического познания.

Самым высоким образом оценивая творчество Н.А. Бердяева, необходимо признать, что у него были и серьезные заблуждения, сыгравшие роковую роль не только в его жизни. Была одна тема, в которой Бердяеву неизменно отказывала творческая интуиция – **коммунизм и Россия.** О России он писал много и в большинстве

[58] *Ортега-и-Гассет Х.* История как система // Вопр. философии. 1996. № 6. С. 88.

своем проникновенно и глубоко. Но как только возникала проблема взаимоотношения марксистского коммунизма и русской истории и культуры, суждения Бердяева оказывались очень пристрастными и поверхностными. Будто в его творчеством взоре было какое-то темное пятно, застилающее ему постижение именно этого предмета. Этому способствовало сочетание нескольких факторов: 1) особенности творчества; 2) экзистенциальное самооправдание; 3) дуалистическая онтология; 4) общеинтеллигентские предрассудки.

Творческому методу Бердяева свойствен определенный **импрессионизм:** он нередко описывал впечатления от предмета непосредственного созерцания. Это не исключается тем фактом, что созерцал он духовные сущности. В нем сильна художественная интуиция и его произведения – во многом **импрессионистические наброски** метафизических картин духовных реальностей или реальности духа. Это своеобразная манера со своими яркими достоинствами и неизбежными недостатками. Она характеризуется глубоким всецелым, можно сказать, экзистенциальным сопереживанием предмету наблюдения, позволяющим проникновенно судить о нем. Бердяев мог импрессионистическим мазком тонко обрисовать большой философский труд "Столп и утверждение истины": "*Книга П. Флоренского по своей музыке производит* ***впечатление*** *падающих осенних листьев. В ней разлита меланхолия осени*", или бросить в связи с переживанием Розановым проблем пола: "*О вечно бáбьем в русской душе*" Но когда предмет выпадает из поля наблюдения философа, впечатления о нем тускнеют, затемняются новыми пристрастиями, отсюда более поздние суждения могут становиться односторонними, предвзятыми. Это и произошло с осознанием природы коммунистической революции и сталинского коммунизма. В 1918 г. в статье "Духи русской революции" в сборнике "Из глубины", а также в блестящей книге "Философия неравенства" Бердяев по свежим впечатлениям дает глубокий анализ российской катастрофы. Впоследствии он теряет ощущение **инфернальности** большевизма, иногда считает, что германский фашизм – большее зло, пытается увидеть в сталинизме положительные начала. Далекую Россию он начинает понимать хуже. О "Философии неравенства", в которой он обращался к большевикам с разоблачающими их идеологию письмами, сам Бердяев в "Самопознании" отзывался: "*Не люблю, считаю во многом несправедливой и... не выражает по-настоящему моей мысли*"

Другая причина оправдания марксистского коммунизма в нежелании и неумении Бердяева признать свои марксистские увлечения молодости полной ошибкой. **Самооправдание горделивого ума** не позволяло философу однозначно откреститься от своих заблуждений – вполне понятных и закономерных для молодости и атмосферы начала века – и признать марксизм ложной злонаправленной идеологией. Чтобы придать вид солидности пристрастиям молодости приходилось всю жизнь выискивать аргументы для апологии марк-

сизма. И лучшим аргументом здесь было утверждение: марксизм не так плох, а бесчеловечный русский большевизм – совсем не марксизм, но извечно русская тоталитарная традиция, гуманный европейский марксизм извратили русские азиаты.

Третья причина не совсем адекватного отношения к коммунизму у Бердяева исходит из его **дуалистической онтологии.** Он признает сосуществование **двух первичных субстанций:** Бога и первичного *ничто* (аналогично "Ungrund" – *неисследимой бездне* Я. Бёме, или *меона* античной философии), существующего до времени и бытия. При этом *первоисток* или рождающее лоно бытия "*первичнее Бога и вне Бога*": из *бездны* – предвечного *ничто* в вечности рождается Святая Троица: Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой. Из этой *бездны* Бог творит мир – с ее молчаливого согласия. В добытийной основе бытия – источник безначальной иррациональной свободы, которая в свою очередь служит источником и творчества и разрушения, т.е. и добра и зла. В сотворенном мире *бездна* сосуществует и содействует с Творцом. Понятно, что это построение движимо попыткой решить *про́клятый вопрос* теодицеи – оправдание Бога при торжестве мирового зла. Но такого рода богооправдание умаляет божественную сущность, лишает Бога основных признаков божественности – абсолютности и неограниченности, ибо по определению Бог – это Абсолют и вне Бога ничего нет и ничего быть не может. Эти явно ошибочные метафизические предпосылки влекут очень серьезные следствия во всех областях философии. В том числе и в объяснении природы зла. Если умаляется природа Божества, если и добро и зло имеют один источник, то Первопринципы становятся какими-то относительными, а представления о добре и зле двоятся. Размываются критерии добра и зла: нет абсолютного добра, ибо нет его источника – Абсолюта, но и зло не является собственно злом, в конечном счете может оказаться и не злом, а какой-либо формой относительного добра. В результате у Бердяева **наиболее радикальная во всей мировой истории форма социального зла – коммунизм – лишается инфернальных характеристик. Так на запрос экзистенциального самооправдания дается метафизически ложный ответ.**

Когда все же требуется объяснить невиданные злодеяния советского коммунизма, то здесь Бердяеву помогает то, что он во многом разделяет **общеинтеллигентские предрассудки – суждение о России через иллюзию "русского Запада".** И это четвертая причина заблуждений Бердяева относительно тем коммунизма и России. Сила импрессионистического созерцания нередко позволяет философу возвыситься над сословными и корпоративными предрассудками. Так его книги "Судьба России" и "Русская идея" преисполнены очень глубоких суждений, хотя и здесь сохраняется налет той предвзятости, о которой мы говорим. Но есть книга, которая почти целиком определяется роковыми заблуждениями философа – "Истоки и

смысл русского коммунизма" Написанная в 1933 г. по-французски, она многократно издавалась на всех европейских языках, и только лет через пятнадцать была издана по-русски. В ней ярко продемонстрированы и слабости импрессионистического творческого подхода, и экзистенциальное самооправдание автора, и драматические следствия дуалистической метафизики, и пережитки интеллигентско-орденской психологии.

Все эти заблуждения никак не умаляют величайших заслуг гениального творчества Николая Бердяева, ибо одно – к сожалению или к счастью – не отменяет другого. Но в восприятии читателей – нередко отменяет. Если Бердяев признается крупнейшим философским авторитетом, то этот авторитет как бы застраховывает его от заблуждений, иногда вполне тривиальных. Но если все же для кого-то его суждения о России представляются очевидно лживыми, то все его творчество объявляется *белибердяевщиной* – не иначе. Для нас же важно в данном случае **различить духов лжи и стяжать духа истины.** Поэтому проанализируем наиболее симптоматичные высказывания в книге, которая имела огромное влияние на формирование западного общественного мнения, а отраженно и нашего либерального мнения о России и коммунизме.

"*Доктрина о Москве как Третьем Риме стала идеологическим базисом образования московского царства. Царство собиралось и оформлялось под символикой мессианской идеи. Искание Царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории. Принадлежность к русскому царству определялась исповеданием истинной, православной веры. Совершенно так же и принадлежность к советской России, к русскому коммунистическому царству будет определяться исповеданием ортодоксально-коммунистической веры*" (Н.А. Бердяев). Прежде всего вовсе не так однозначна сама религиозно мессианская идея в московском царстве. Концепция Москвы–Третьего Рима изначально – в авторстве старца Филофея – предписывала Москве духовную миссию хранительницы православия. Иосифлянская идеология гипертрофировала в ней значение государственной власти, которая ставилась выше церковного авторитета. Этим духовная миссия Москвы как Третьего Рима вытеснялась миссией имперской. Затем усилившееся под иосифлянской опекой царство стремится к освобождению от религиозного влияния, что и было одной из основных причин церковного раскола XVII в. С этого времени идеология Москвы как Третьего Рима перестает быть официальной доктриной и присутствует только в старообрядчестве. Но совершенно необъяснимо, почему принадлежность к коммунизму будет определяться *совершенно так же,* как и принадлежность к русскому царству, что общего между православной верой и ортодоксально-коммунистической верой – самым яростным в истории богоборчеством. Совершенно очевидно, что всякая идеологическая вера единоприродна всякой идеологичес-

кой вере, но на религиозную веру она похожа настолько же, насколько антихрист похож на Христа.

"Произошло изумительное в судьбе русского народа. Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал и ***на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима.*** *Третий Интернационал есть также священное царство, и оно тоже основано на ортодоксальной вере. На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть* ***не Интернационал, а русская национальная идея.*** *Это есть трансформация русского мессианизма. Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу... не понимают, что они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианские призвания"* (Н.А. Бердяев). Приходится повторять очевидные факты: концепция Москвы–Третьего Рима изначально говорила о религиозной миссии русского народа – хранителя христианской истины. Затем, до раскола XVII в. она обосновывала легитимность московской царской власти. Но нигде и никогда русский мессионизм не формулировал того, что коммунисты всего мира понаделали во всем мире. Зато об этом можно прочитать в первоисточниках – начиная от "Коммунистического манифеста" К. Маркса и Ф. Энгельса. Но благодаря Бердяеву многие на Западе уверены в химере: русский национализм породил мировую коммунистическую систему.

"Можно было бы сделать сравнение между Петром и Лениным, между переворотом петровским и переворотом большевистским. Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации" (Н.А. Бердяев). Конечно, дело не в том, что неповторимый русский Петр похож на неповторимого русского Ленина. Петр и Ленин схожи со всяким тираном, насильственно перетряхивающим органичную жизнь народа и государства. Они похожи на маньяка у власти в любое время в любой стране. Более того, и тот и другой выражали собой тип предельного западника, стремящегося перекроить Россию по западническим утопиям.

"Но большевистская революция путем страшных насилий освободила народные силы, призвала их к исторической активности, в этом ее значение. Переворот же Петра, усилив русское государство, толкнув Россию на путь западного и мирового просвещения, усилил раскол между народом и верхним культурным и правящим слоем" (Н.А. Бердяев). Здесь отдельные истинные исторические замечания перемешаны с идейными заблуждениями. Насчет *освобождения народных сил большевизмом* – притом, что этот народ подвергся самому тотальному террору и истреблению во всей мировой истории – даже неудобно читать у автора такого масштаба. По по-

воду *западного и мирового просвещения* известно, что Россия до Петра была открыта ему и плодотворно перенимала европейский технологический опыт, сохраняя собственную культурную самобытность. Петр же разрушал базовые традиции и ценности русского народа и насильственно насаждал чуждую культуру. Далее и сам Бердяев по существу признает этот факт: *"Западное просвещение XVIII века в верхних слоях русского общества было чуждо русскому народу. Русское барство XVIII века поверхностно увлекалось вольтерианством в одной части, мистическим масонством в другой. Народ же продолжал жить старыми религиозными верованиями и смотрел на барина, как на чужую расу"* Все так, отметим только, что это описание на тему "Иван Грозный – Петр I – Сталин как традиционно русский тип"

"В душе русского народа происходила борьба Востока и Запада, и борьба эта продолжалась в русской революции. Русский коммунизм есть коммунизм восточный. Влияние Запада в течение двух столетий не овладело русским народом. Мы увидим, что русская интеллигенция совсем не была западной по своему типу, сколько бы она не увлекалась западными теориями" (Н.А. Бердяев). Итак, выше говорилось, что Петр вполне насильственно повернул Россию к Западу, при этом русский народ в массе своей *продолжал жить старыми религиозными верованиями и смотрел на барина, как на чужую расу,* барство же, предшественник русской интеллигенции, как и положено *чужой расе*, вело вполне чужеродный образ жизни. За два столетия процессы отчуждения культурных слоев от отечественной культуры только углублялись. Поэтому из Бердяева же следует, что интеллигенция, два века говорившая на европейских языках и мыслившая по западным шаблонам, не может не быть *западной*, а коммунизм, который интеллигенция заимствовала на Западе, не может быть *восточным*? Но здесь элементарная логика отказывает, ибо познание не рационально, а экзистенциально: всякий человек понимает то, что хочет понимать, и не понимает того, чего не хочет.

"В интеллигенции были типические русские черты, и совершенно ошибочно то мнение, которое видело в интеллигенции денационализацию и потерю всякой связи с русской почвой" (Н.А. Бердяев). Ну, *всякую связь,* живя в России действительно невозможно потерять, но, опять же, из предыдущих текстов Бердяева следует, что культурные сословия очень оторвались от *русской почвы.* Дальше Бердяев это же и признает, но теперь оказывается, что не интеллигентская эта черта: *"Для интеллигенции характерна беспочвенность, разрыв со всяким сословным бытом и традициями, но эта беспочвенность была характерно русской"* Бердяев, конечно же, не называет слои, которые были бы так же беспочвенны, как интеллигенция, ибо их нет и быть не может в русской жизни, преисполненной традициями. Собственно, *идеология беспочвен-*

ности и является основным отличием интеллигенции от всех других сословий: *"Русская интеллигенция есть группа, движение и традиция, объединяемые идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей"* (Г.П. Федотов). Бердяев говорит о русской мысли XIX в. как о *беспочвенной и бунтующей*, не объясняя, как же эта беспочвенная мысль могла породить из русской почвы русский коммунизм.

"Русская мысль стремится к целостности... Это стало основным русским мотивом, вкорененным в глубинах русского характера. Русские коммунисты-атеисты утверждают целостность, тоталитарность не менее православных славянофилов. Психологически русская ортодоксальность и есть целостность, тоталитарность" (Н.А. Бердяев). Вот так – через запятую отождествляется целостность и тоталитарность, которые выражают противоположные значения. Целостность – это здоровое духовное единство органичного многообразия, тоталитарность же – это болезненная маниакальность, агрессивное подчинение всего частному принципу. В свою очередь, ортодоксальность может быть как здоровой и целостной, так и болезненно гипертрофированной, т.е. тоталитарной. Религиозная ортодоксальность отстаивает универсальные бытийные ценности, поэтому это изначально органичное явление. Партийная ортодоксальность навязывает всему обществу партикулярный – частный – интерес: это искаженное мировоззрение. Идеологическая же ортодоксальность – претензия искаженного, ложного мировоззрения на единственно верное учение: это уже **идеомания, патология сознания**. Действительно, целостность свойственна русскому национальному характеру, но тоталитарность интеллигентского сознания является не продолжением этого свойства, а отрицанием его – беспочвенная орденская психология оторвалась от целостного православного миросозерцания и тотально сосредоточилась на крайне ограниченном наборе идеологических догм – интеллигентском "символе веры" Вообще напомним, что пороки являются не продолжением достоинств, а отрицанием их, также как зло является не продолжением добра, а отрицанием его.

«Анархизм столь же характерное порождение русского духа, как и нигилизм, как и народничество... Элемент анархический очень силен и в русской мысли XIX века. Государство это были "они" чужие, "мы" же жили в ином плане, чуждом всякому государству. Если русским свойственна была мысль о священном помазании власти, то им же свойственна была мысль, что всякая власть есть зло и грех» (Н.А. Бердяев). Здесь качества, свойственные только одному сословию, приписываются всему народу. Борьба с традиционной русской властью – это одна из характеристик беспочвенности интеллигенции, ее отрыва от *русского духа*. Не то чтобы в каждой русской душе ежечасно боролись эти противоречия, а большинству народа – органичным сословиям – действительно *свойственна мысль о священном помазании власти*, в то время как

революционное меньшинство действительно относилось к власти как к исконному злу. Если же об анархизме русского народа судить по бунтам Разина и Пугачева, то в цивилизованной Европе восстаний, гражданских и междоусобных войн – т.е. *анархии* – было несравненно больше.

"*Толстой и Достоевский глашатаи универсальной революции духа. Их ужаснула бы русская коммунистическая революция своим отрицанием духа, но и они были ее предшественниками*" (Н.А. Бердяев). В предвзятой теме Бердяев допускает удивительное смешение понятий. Как прекрасно сказано: *революция духа* – только к Толстому это имеет отдаленное отношение. Если революция отрицает дух, т.е. отрицает духовную революцию, то это, строго говоря, духовная контрреволюция. Вот этой-то духовной контрреволюции или коммунистической революции Толстой действительно был (по авторитетному свидетельству Ленина) – *зеркалом,* ибо гениальный романист много поспособствовал пророчеством "новой религии" – *толстовства* (гордыни антихристианства) и своей аффектированной публицистикой замутнению национального сознания и приближению духовной катастрофы. Достоевский же, напротив, всем своим творчеством обличал революционные идеологии, заимствованные из Европы беспочвенной интеллигенцией. Строго говоря, оба великих писателя *предшественники* прямо противоположных духов.

Бердяев уверяет, что большевистский *"ортодоксальный" марксизм, который в действительности был* ***по-русски трансформированным*** *марксизмом, воспринял прежде всего не детерминистическую, эволюционную, научную сторону марксизма, а его мессианскую, мифологическую, религиозную сторону, допускающую экзальтацию революционной воли, выдвигающую на первый план революционную борьбу пролетариата, руководимую организованным меньшинством, вдохновленным сознательной пролетарской идеей... Коммунистическая революция в России совершалась во имя тоталитарного марксизма, марксизма, как религии пролетариата, но в противоположность всему, что Маркс говорил о развитии человеческих обществ... И это оказалось* ***согласным с русскими традициями и инстинктами народа****. В мифе о пролетариате по-новому* ***восстановлен миф о русском народе****. Произошло как бы* ***отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом.*** *Поднялась рабоче-крестьянская, советская Россия. В ней народ-крестьянство соединился с народом-пролетариатом вопреки всему тому, что говорил Маркс, который считал крестьянство мелкобуржуазным реакционным классом... Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма"* Ленинизм-большевизм заимствовал в марксизме его сущность, то, чем он отличается от всех других идеологий, и что пре-

дельно ясно выражено в "Коммунистическом манифесте" – ***экзальтацию революционной воли,*** – установление тотальной идеологической власти и переделку общества и человека по идеологическому шаблону. Конечно же, при реализации **революционной мании** в разных странах революционеры используют национальную специфику и любой годящийся подручный материал – это дело не принципиальное. Марксистская "ортодоксальность" русских большевиков только в том, что они использовали все возможности в России, в том числе и ее крестьянскую специфику (*"слабое звено в цепи"* – Ленин) для захвата власти. Китайский Мао тоже "ортодоксальный марксист", хотя он для захвата власти эксплуатировал не пролетариат, а национально-освободительную борьбу. Поэтому коммунистические режимы во всех странах были национально *трансформированы,* но вместе с тем схожи своей марксистской природой, а не *русским мессианизмом.* Во всех странах коммунисты опирались на маргинализированные слои населения для репрессий против большинства и уничтожения всех традиционных форм жизни. И в большевистской демагогии, и в его кровавой практике не было ничего близкого *согласию с русскими традициями и инстинктами народа.* Что же касается *отождествления русского мессианизма с пролетарским мессианизмом,* то это из разряда отождествления добра и зла: отождествить русскую религиозную идею и даже русскую имперскую идею – с яростным богоборчеством и людоедским пафосом большевизма можно только смешивая все критерии истины и моральные принципы.

"Большевизм оказался в России ***наименее утопическим и наиболее реалистическим,*** *наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году, и* ***наиболее верным некоторым исконным русским традициям*** *и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насилием. Это определено всем ходом русской истории, но также и слабостью у нас творческих духовных сил. Коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа"* (Н.А. Бердяев). Если в момент общенационального бедствия идеологические интернациональные силы сумели проявить качества спаянной банды и при мощной финансовой поддержке из-за рубежа насильственно захватили власть, то это говорит не о *неотвратимости,* а о сцеплении роковых случайностей. Конечно, случившееся во многом предопределено сложившейся в России ситуацией, но тем не менее могло случиться и иначе. Конечно же, марксизм-большевизм – наиболее утопическая идеология. К сожалению, вся история XX в. доказывает, что утопии вполне осуществимы, что никак не прибавляет им реалистичности. Человек, скажем, собирался построить дом, изучил дело и приготовил материалы, но – роковая случайность, либо нелепая закономерность – ему упал на голову кирпич.

И теперь он в доме умалишенных строит карточные домики. Но значит ли это, что первоначальный его замысел был более утопичным, чем нынешнее занятие. Воплощение социальной утопии всегда является результатом помутнения человеческого разума и всегда требовало невероятных разрушений и бесчисленных человеческих жертв. Большевизм соответствовал не всей ситуации в России, а только нездоровой стороне. Он усиливал и распространял это болезненное состояние, которое после захвата власти распространяется методами государственного насилия. Если бы большевизм был *наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации в России*, ему не пришлось бы устанавливать власть террором и уничтожать десятки миллионов явно не соответствовавших ему жизней. Так называемые же *исконно русские традиции и русские методы управления и властвования насилием* почему-то неизменно проявлялись **везде**, где марксисты приходили к власти: и в Азии, и в Америке, и в Африке. Тут надо либо допустить, что весь мир населен русскими, либо признать, что коммунизм – это форма мирового зла. Но Бердяев и дальше усугубляет свои ложные тезисы.

"Только в России могла произойти коммунистическая революция. Русский коммунизм должен представляться людям Запада коммунизмом азиатским. И вряд ли такого рода коммунистическая революция возможна в странах Западной Европы, там, конечно, все будет по-иному. Самый ***интернационализм*** *русской коммунистической революции –* ***чисто русский*** *национальный"* (Н.А. Бердяев). В Европе и было *по-иному*: в ответ на российский большевизм Европа мирным путем без всякого навязывания извне родила родственную идеологию – фашизм, с холокостом евреев и еще большим истреблением славян.

"Ленин был типически русский человек. В его характерном, выразительном лице было что-то русско-монгольское. В характере Ленина были типически русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе... В нем черты русского интеллигента-сектанта сочетались с чертами русских людей, собиравших и строивших русское государство. Он соединял в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачева, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого и русских государственных деятелей деспотического типа... В 1918 году, когда России грозил хаос и анархия, в речах своих Ленин делает нечеловеческие усилия дисциплинировать русский народ и самих коммунистов. Он призывает к элементарным вещам – к труду, к дисциплине, к ответственности, к знанию и к учению, к положительному строительству, а не к одному разрушению, он громит революционное фразерство, обличает анархические наклонности, он совершает настоящее заклинание над бездной. И он остановил

хаотический распад России, остановил деспотическим, тираническим путем. В этом есть черта сходства с Петром... В своей личной жизни Ленин, как и Победоносцев, не был злой человек, в нем было немало добродушия, было человеческое отношение к своим ближним. И Ленин любил детей, любил зверей. Он не был инквизитором" (Н.А. Бердяев). Конечно же не был, ибо все инквизиторы – агнцы по сравнению с кровавой фигурой большевистского вождя. *Призывал к элементарным вещам* Ленин в то время, когда организовывал невиданные в мировой истории красный террор, систему концентрационных лагерей, лично писал на множестве записок резолюции: *"расстрелять"* Все эти фантастические панегирики ленинской человечности нужны Бердяеву для того, чтобы очередной раз доказать, что коммунизм сам по себе не бесчеловечное явление. Ибо его осуществляют люди, любящие детей и зверей. Хотя не безызвестно, что детишек и зверят любили многие злодеи, никак не ценившие человеческой жизни – жестокость нередко сентиментальна. А *типически русско-монгольская* природа планетарного злодея нужна для доказательства все той же русскости коммунизма.

"Ленин допускал все средства для борьбы, для достижения целей революции. Добро было для него все, что служит революции, зло – все, что ей мешает. Революционность Ленина имела моральный источник, он не мог вынести несправедливости, угнетения, эксплуатации. Но, став одержимым максималистической революционной идеей, он в конце концов потерял непосредственное различие между добром и злом, потерял непосредственное отношение к живым людям, допуская обман, ложь, насилие, жестокость. Ленин не был дурным человеком, и в нем было много хорошего. Он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, он даже не был особенно честолюбивым и властолюбивым человеком, он мало думал о себе. Но исключительная одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерождению, к допущению совершенно безнравственных средств в борьбе. Ленин был человеком судьбы, роковой человек, в этом его сила" (Н.А. Бердяев). Все-таки – либо *допускал все средства для борьбы,* либо *не был дурным человеком.* Насчет того, что великодушный Ленин *не мог вынести несправедливости, угнетения, эксплуатации,* отчего и затеял революцию – это какие-то сказки для младенцев. Этот *бескорыстный человек,* конечно, *не был* ***особенно*** *честолюбивым и властолюбивым,* ибо с начала своей деятельности был маньяком честолюбия и властолюбия: вся его биография и состоит из бесконечной борьбы за власть в партии, затем самой партии за власть, борьбы, в которой не жалелись ни близкие, ни друзья. Все эти характеристики не имеют никакого отношения к реальности, но на что не пойдешь, чтобы доказать человечность привязанности своей молодости.

"Как это ни парадоксально звучит, но ***большевизм есть третье явление русской великодержавности,*** *русского империализ-*

ма, – первым явлением было московское царство, вторым явлением петровская империя. Большевизм – за сильное, централизованное государство. Произошло соединение воли к социальной правде с волей к государственному могуществу, и вторая воля оказалась сильнее. Большевизм вошел в русскую жизнь, как в высшей степени милитаризованная сила. Но старое русское государство всегда было милитаризованным... Они создали полицейское государство, по способам управления очень похожее на старое русское государство... В Московском царстве и в империи народ держался единством религиозных верований. Новая единая вера для народных масс должна быть выражена в элементарных символах. По-русски трансформированный марксизм оказался для этого вполне пригодным" (Н.А. Бердяев). Но если действительно *марксизм оказался вполне пригодным*, то для чего во имя его десятилетиями приходилось истреблять лучшую часть народа – не только в элите, но и крестьянство?! Такого геноцида собственного населения не было нигде и никогда в мире, даже в фашистской Германии. Только потому, что *новая единая вера* коммунистов была изначально совершенно враждебна русскому народу, в отличие от фашизма, который не был непосредственно направлен на уничтожение немецкого народа. Что коммунизм – это *третье явление русской великодержавности, русского империализма* доказывается **по логике отдаленной аналогии** (т.е. без всякой логики): планета Марс, как и Земля, – круглая, значит и на Марсе есть жизнь. Опять же, нигде и никогда большевики-ленинцы не были замечены в проявлении *воли к социальной правде*, если за таковую не принимать беспардонную их ложь и демагогию *во имя победы революции*, т.е. во имя собственной власти. С легкой руки Бердяева миф о *милитаризованности старого русского государства* стал расхожим на Западе, которому надо было самооправдываться перед железным фактом истории: в течение сотен лет европейские страны непрерывно совершали нашествия на Россию, в то время как "милитаризованная" Россия ни разу не нападала ни на одну европейскую страну. И похоже большевистское государство на старое русское – не больше, чем паразит на хозяина; хотя извне как бы и прежнее огромное тело, формы которого не меняет маленький глубоко всосавшийся ядовитый паразит, но он уже протравил весь организм и верховодит его функциями. А "доброжелатели" судят не болезнь, а больного.

"Революция освободила раньше скованные рабоче-крестьянские силы для исторического делания. В русском народе обнаружилась огромная витальная сила, которой раньше не давали возможности обнаружиться" (Н.А. Бердяев). Это – о кровавых стройках коммунизма – лагерях, в которые были согнаны и превращены в рабов десятки миллионов людей. Иногда зло бывает настолько откровенно чудовищным, что не хватает сил сполна осознать этот жуткий факт. Еще труднее принять свою долю ответственности за него.

Услужливое сознание и подсказывает формулы, которые объясняют, что все не так страшно, как кажется, ибо не беснование в чистом виде, а *историческое делание*, за которое мы – сторонние наблюдатели – не ответственны. Кстати, чья *витальная сила* освоила самые грандиозные в мире пространства за исторически короткий срок, если нашей *раньше не давали возможности обнаружиться?*

"Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организоваться и дисциплинироваться, нужны были заражающие символы. В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла докончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным отношениям, и он демагогически воспользовался всем" (Н.А. Бердяев). Что диктатура только могла – это очевидно. Но вся проблема в том, какая диктатура – национальная или антинациональная. Можно представить вполне возможную победу Корнилова, затем Колчака или Деникина – подобный опыт реакции на коммунизм известен в нашем веке – Франко в Испании, *черные полковники* в Греции, Пиночет в Чили. При этом массам были бы даны лозунги и заражающие символы, они были бы организованы и дисциплинированы. Но при этом было бы на несколько порядков меньше истребления населения и разрушений. И какой хаос и анархия может быть хуже того, которые возникли в результате развязанной большевиками кровавой (15 млн жертв) Гражданской войны. То есть большевики не были единственным и потому неизбежным вариантом. Но если это было бы и так, то говорило бы только о величайшей трагедии страны, которая в годину лютых испытаний оказалась завоеванной самыми свирепыми в мировой истории сатанинскими силами. И что это за революционная *необходимость докончить разложение старого* – в устах христианского философа-персоналиста? И все-таки – либо большевизм *соответствовал массовым инстинктам* и *реальным отношением*, и тогда массы сами за ним устремились; либо он всего лишь *демагогически воспользовался всем*, т.е. невиданно лгал всем и вся, – но именно потому, что интересы большевиков никак не соответствовали ни интересам масс, ни реальным отношениям; здесь одно явно исключает другое.

"Большевизм воспользовался всем для своего торжества... Он воспользовался свойствами русской души, во всем противоположной секуляризованному буржуазному обществу, ее религиозностью, ее догматизмом и максимализмом, ее исканием социальной правды и царства Божьего на земле, ее способностью к жертвам и к терпеливому несению страданий, но также и проявлениям грубости и жестокости; воспользовался русским мессианизмом, всегда

остающимся, хотя бы в бессознательной форме, русской верой в особые пути России" (Н.А. Бердяев). Конечно же, большевики воспользовались всеми расколами в душе России, всеми болезнями, пороками в обществе, всеми слабостями народа – в этом их паразитическая миссия. Но больше всего большевизм воспользовался тактикой глобальной лжи и большого террора, который в крови десятков миллионов уничтоженных людей (в Гражданской бойне, в искусственном голоде Поволжья и Украины, в коллективизации, в лагерных стройках) утопил всякие там тонкости русской души, с ее религиозностью, догматизмом, максимализмом, мессианизмом и проч.

"Произошло удивительное превращение. ***Марксизм****, столь не русского происхождения и не русского характера,* ***приобретает русский стиль****, стиль восточный, почти приближающийся к славянофильству... И русский коммунизм вновь провозглашает старую идею славянофилов и Достоевского. Из Москвы, из Кремля исходит свет, который должен просветить буржуазную тьму Запада"* (Н.А. Бердяев). Напомним, что это пишется не после Великой Отечественной войны, когда для таких утверждений можно было найти хоть какие-то основания, а в 1933 г., когда ломается хребет русского народа – истребляется крестьянство, а также развернуты самые кровавые в истории гонения на верующих. Аналогия же со славянофилами и Достоевским – за гранью добра и зла, ибо ничего близкого к **такому** *свету из Москвы* они не измышляли. Не удивительно, что европейский марксизм в России приобрел некоторые русские черты, так же как в Китае – китайские. Идеология всегда паразитирует на чертах характера и ценностях захваченного народа, всегда использует и преосуществляет его энергию. Но закономерности внедрения идеологической мании, ее разворачивания, подчинения сознания масс, организации и захвата ее носителями государственной власти, – все эти закономерности оказываются единообразными, где бы это не происходило. Меняются беснующиеся массы и вожди-маньяки – русские ли, китайские, немецкие или латиноамериканские, но формы и закономерности **идеологического психоза** и утверждения **идеократии** – идентичны.

"Коммунизм создает деспотическое и бюрократическое государство, призванное господствовать над всей жизнью народа, не только над телом, но и над душой народа, в согласии с традициями Иоанна Грозного и царской власти... В своих грандиозных, всегда планетарных планах коммунизм воспользовался русской склонностью к прожектерству и фантазерству, которые раньше не могли себя реализовать, теперь же получили возможность практического применения" (Н.А. Бердяев). У царской власти (даже и у Грозного) можно обнаружить *призвание господствовать не только над телом, но и над душой народа* только при необузданной (и безответственной) исторической фантазии. Можно было бы продолжить: *коммунизм воспользовался* – и китайской, и вьетнамской, и камбод-

жийской, и албанской – *склонностью к прожектерству, фантазерству...* – чтобы понять абсурдность этих утверждений. И, конечно, только из розового европейского далека, и только сквозь очень розовые очки могло показаться, что грандиозные фантасмагорические проекты – типа "Беломорканала", а также милитаристические стройки – возводятся силою *фантазерства* русского народа.

"Тираничность и жестокость советской власти не имеет обязательной связи с социально-экономической системой коммунизма. Можно мыслить коммунизм в экономической жизни соединимый с человечностью и свободой" (Н.А. Бердяев). Понятно, что *тираничность* и *жестокость* – от русского народа, а от юности притягательного коммунизма – только *человечность* и *свобода*. Этим утверждениям не может помешать тот железный факт, что феномена *свободного* и *человечного* коммунизма нигде и никогда не было в истории, а были на всех материках – людоедские. Хотя впрочем сами коммунисты-палачи себя называли самыми свободными и человеколюбивыми в мире.

"На энтузиазм коммунистической молодежи к социалистическому строительству пошла религиозная энергия русского народа... Философские споры в советской России есть обсуждение вопросов не столько с точки зрения истины и лжи, сколько с точки зрения ортодоксии и ереси, т.е. являются скорее теологическими, чем философскими спорами" (Н.А. Бердяев). Если так, то придется признать, что *марксистско-коммунистический энтузиазм молодежи* многих стран мира покоится на религиозной энергии русского же народа – ибо таковой энтузиазм очевидно однотипен на всех континентах. Вообще религиозные аналогии здесь уместны только в том смысле, что коммунизм – это не новая религия, и даже не лжерелигия, а антирелигия, которая паразитирует на религиозных формах, использует их для обмана, извращает их смысл до противоположности.

"Воинствующий духоборческий материализм коммунизма есть явление духа, а не материи, есть ложная направленность духа. Коммунистическая экономика сама по себе может быть нейтральна. Это коммунистическая религия, а не экономика, враждебна христианству, духу, свободе. Правда и ложь так перемешаны в коммунизме именно потому, что коммунизм есть не только социальный феномен, но и феномен духовный" (Н.А. Бердяев). К сожалению, правда и ложь перемешаны более у автора. *Воинствующий духоборческий материализм* на простом языке означает самое воинствующее во всей мировой истории **богоборчество**. Сам же философ неоднократно говорил, что борьба с Богом неизбежно заканчивается борьбой с человеком, а уничижение божественного ведет к унижению человеческого. *Ложная направленность духа* по природе вещей не может создать нейтральную экономику. Коммунизм однозначно и тотально лжив, является системой тотального порабоще-

ния человека, поэтому коммунизм отменяет всяческие свободы, в том числе и свободу хозяйственной жизни.

Итак, все рассуждения Николая Бердяева о России и коммунизме направлены на доказательство, по сути, двух тезисов: 1) марксистский коммунизм сам по себе не является тотальным злом; 2) советский коммунизм имеет к марксизму отдаленное отношение, а все его недостатки и даже злодеяния (очень преувеличенные) имеют источником русскую историю и русскую традицию: Иван IV – Петр I – Сталин. И история, и природа всех коммунистических режимов явно опровергают эти тезисы. Но в мире существуют очень влиятельные силы, которым явно на руку обеление марксизма-коммунизма и очернение России. Поэтому книга "Истоки и смысл русского коммунизма" стала наиболее известным на Западе произведением Бердяева. Более того, книга оказалась настольной для многих поколений влиятельных западных советологов, политологов, историков, политиков.

После 1917 г. эмиграция из России распределилась в основном по следующим потокам. Белоэмигранты, воевавшие с большевиками и потерявшие все, кроме жизни, по большей части растворились в странах Западной Европы, в основном во Франции, Германии, Греции, где вынуждены были сосредоточиться на труднейшей борьбе за существование. Многие из аристократии и монархических кругов осели в Южной Америке, где до сего дня теплится русская монархическая идея. В США же переехали многие представители либеральной интеллигенции и деятели проигравших большевикам партий: социалистов, кадетов. Русским интеллектуалам нужно было оправдать свое поражение в России, и, как это всегда и бывает, это оправдание свелось к самооправданию: виноваты не мы – марксисты или бывшие марксисты (как большинство из кадетов), – а русские большевики, которые извратили европейский марксизм и насаждают русскую азиатскую деспотию. Многие из русских либералов и социалистов стали публицистами или профессорами американских университетов, где и делились своим историческим опытом. Несколько в меньших масштабах, но этот процесс шел и в других странах Запада. Конечно же, эти идеи пали на благодатную почву, ибо западное общественное мнение всегда радовалось новым аргументам для доказательства извечного российского варварства, империализма, тоталитаризма и проч. Ибо Западу надо было оправдывать себя за вековечную агрессию против России и потоки лжи о русском народе. Тут-то и оказались кстати очень авторитетные "свидетели" **Больная совесть русских и западных либералов и социалистов нашла общий рецепт успокоения.** Так зачалась мощная **интеллектуальная традиция, сочетающая русофобию с коммунизмофилией.** Книга Бердяева очень поспособствовала росту ее влияния. Русский философ своим авторитетом легализовал ряд злонамеренных мифов о России. И современные русофобы Пайпс и Бжезинский считают себя учениками Бердяева.

Да, Бердяев писал книгу в 1933 г., когда коммунизм еще не захватил полмира. Но он переиздавал ее в течение пятнадцати лет, когда III Коммунистический Интернационал насаждал по всему свету нивелирующий все народы марксизм, и происходили невиданные репрессии сталинизма. Более того, он отстаивал свои тезисы и в поздней книге "Русская идея", когда миру уже были известны невиданные злодеяния сталинизма: *"Коммунистическая революция, которая и была настоящей революцией, была мессианизмом универсальным, она хотела принести всему миру благо и освобождение от угнетения. Правда, она создала самое большое угнетение и уничтожила всякую свободу, но делала это, искренно думая, что это – временное средство, необходимое для осуществления высшей цели"* Такую "искренность" невозможно представить в головах Ленина, Сталина, Троцкого и всех людоедов от коммунизма, да и кто же из злодеев не оправдывал свои преступления *высшими благими целями*. И в других темах Бердяев упорно настаивал на своих заблуждениях: *"Произошла острая национализация Советской России и возвращение ко многим традициям русского прошлого... Коммунизм есть русское явление, несмотря на марксистскую идеологию... В высшую стадию, которая наступит после коммунизма, должна войти и правда коммунизма, но освобожденная от лжи. Русская революция пробудила и расковала огромные силы русского народа. В этом ее главный смысл. Советская конституция 1936 г. создала самое лучшее в мире законодательство о собственности. Личная собственность признается, но в форме, не допускающей эксплуатации"* Конечно, *правда* была и в Советской России, но только вопреки коммунизму. Можно ли называть *расковыванием сил народа* ситуацию, когда десятки миллионов истреблены, а миллионы превращены в лагерных рабов на стройках коммунизма? О *самой лучшей в мире* советской конституции – это будто цитата из сталинских пропагандистов. Но, вопреки исторической очевидности, и до сего дня многие несостоятельные рассуждения Бердяева остаются все такими же авторитетными среди многих "либералов"